

XVII. Принципы и средства борьбы

Нам часто приходится слышать со стороны людей, воодушевленных, быть может, самыми лучшими намерениями, выражения удивления по поводу того, что анархисты отрицают некоторые приемы борьбы, как противные их убеждениям. «Почему бы вам не попробовать, говорят одни, захватить в свои руки власть, чтобы принудить общество к осуществлению ваших идей на практике?» «Почему, восклицают другие, вы не хотите послать своих представителей в палату депутатов, или в муниципальные советы? Они могли бы там быть вам полезными, а, вместе с тем, пользовались бы большим авторитетом для распространения ваших идей в массе».

С другой стороны, некоторые анархисты воображают, что поступают очень последовательно, доводя свои рассуждения до абсурда и вырабатывая в себе целый ряд понятий, решительно не имеющих ничего общего с анархическими идеями. Некоторые, например, начинают, под предлогом разрушения собственности, защищать воровство; другие доходят в своей проповеди свободной любви до таких нелепостей, которые они, не колеблясь, назвали бы развратом, если бы дело шло о каком-нибудь буржуа. Но самые непримиримые, это – те, которые отрицают всякие принципы, считая их предрассудками; «что мне за дело до принципов!» кричат они, «раз дело идет о революции – все средства хороши и нам нечего останавливаться совершенно некстати из-за каких-то принципов».

Но это – большая ошибка, и если эти люди хорошенько подумают, то они сами быстро увидят, что не все средства хороши для достижения анархического идеала: есть и такие, которые идут ему наперекор. Какой-нибудь прием борьбы может иногда с первого взгляда казаться успешным, в действительности же – он будет только задерживать развитие идеи, служа исключительно личным интересам того или другого деятеля. Поэтому – все равно признаем мы это или не признаем, – но из каждого порядка идей вытекает известный руководящий принцип, на котором нам приходится основываться при выборе средств для практического осуществления данной идеи или для её более успешного распространения. Этот принцип действует с неизбежностью естественного закона и сам карает всякое нарушение; отступая от него, вы отдаляетесь от намеченной цели и достигаете результатов, совершенно обратных тем, к которым стремитесь.

Возьмем хотя бы пользование всеобщим избирательным правом, о котором мы упомянули в начале этой главы. Легко, конечно, говорить: «Отчего вы не попытаете послать ваших товарищей в палату: они могли бы там провести те реформы, к которым вы стремитесь, или, по крайней мере, лучше организовали бы силы для будущей революции?» Нет сомнения, что при умно и систематически веденной оппозиции голосование, как и всякое другое средство, может повести к революции; но так как оно само есть ничто иное, как очень

совершенное орудие власти, то и вызванная им революция может быть только революцией сверху вниз, революцией чисто политической. Вот почему анархисты отрицают это средство, как отрицают и самую власть.

Если бы наш идеал заключался в том, чтобы произвести общественный переворот при помощи сильной власти, которая подчинила бы массу одной какой-нибудь данной формуле, мы могли бы конечно попробовать воспользоваться всеобщим избирательным правом и постараться повлиять на массу так, чтобы она поручила кому-нибудь из наших заботиться о своей судьбе и проводить наши теории в жизнь. Да и то, как мы уже видели выше, в главе о государственной власти, пользование избирательным правом могло бы выдвинуть только посредственности, потому что оно связано со столькими унижениями, с таким опошлением для тех, кто добивается избрания, что ни один искренний и сколько-нибудь умный человек не захочет стать в такое положение.

Причина неуспеха коллективистов в избирательной борьбе всегда именно в том и заключалась, что они – люди сравнительно умные, и потому их побеждали поппулисты[36], среди которых были только пустые болтуны, не имеющие ничего за душой; коллективисты же хотели (хотя и не везде) и сохранить в неприкосновенности свои революционные убеждения и вместе с тем выставить программу реформ. Понятно, что избиратель, как он ни глуп, начинал думать: «Если мне все равно придется прибегнуть к революции, то зачем же требовать реформ? Если эти реформы – не могут предотвратить необходимости взяться за оружие, то зачем посылать в Палату своих депутатов, чтобы они их там предлагали?» Если даже он и не рассуждал в такой именно конкретной форме, в какой мы передаем (это было бы выше среднего уровня избирателей), то таков был, во всяком случае, общий смысл дебатов на избирательных собраниях, такова была смутно бродившая в головах публики мысль; и вот избиратель решал подавать голос или за радикалов, которые восхваляли пользу предлагаемых реформ, или за поппулистов, которые тоже занимались восхвалением парламентских панацей, но при этом – чтобы польстить рабочим – приправляли свои речи несколькими нападками на буржуазию; что касается революции, то они совершенно не упоминали о ней, предпочитая вести интриги с чисто политическими партиями и, ценой взаимного обмена услуг, обеспечивать избрание своих кандидатов.

Другой недостаток избирательной системы состоит в том, что она всегда подавляет личную инициативу, которую мы наоборот, должны всеми силами стараться развить. Она представляет из себя орудие власти, а мы стремимся к полному освобождению человеческой личности; она – орудие угнетения, а мы хотим, наоборот, вдохнуть в людей дух протеста. Избирательная агитация не может быть нам полезна, а может быть только вредна; поэтому мы должны выступать против пользования ей. Раз мы говорим людям, что нужно действовать всегда только по своему внутреннему убеждению, что не нужно подчиняться силе, которая хочет заставить вас делать то, что вам кажется дурным, – мы не можем, не впадая в противоречие сами с собой, проповедовать им подчинение закулисным интригам какого-нибудь избирательного комитета, не можем советовать им выбирать людей для установления законов, которые они заранее обязуются исполнить, не можем приглашать их принести в жертву этим людям всякую собственную волю, всякую личную инициативу.

Это очевидное противоречие должно бы было бросаться в глаза даже наименее проницательным людям: если бы мы в него впали, мы сами сломали бы находящееся в наших руках оружие, потому что, унизившись до таких средств, мы оказались бы не больше не меньше, как простыми шарлатанами.

Кроме того, человек, как известно не совершенен, и мы рисковали бы попасть, в своем выборе, на честолюбцев и интриганов, которые, раз очутившись в буржуазной среде, воспользовались бы этим, чтобы создать себе положение и оставить в стороне всякие идеи. Что же касается людей искренних, то в этой испорченной атмосфере им оставалось бы одно из двух: или добросовестно признать свое бессилие и удалиться, или же приспособиться к парламентским правам и самим обуржуазиться. И мы, которые стараемся предостеречь массу от увлечения отдельными личностями, стараемся объяснить ей, что от них нечего ждать, – мы оказались бы в положении людей, потративших все свои усилия на создание карьеры для нескольких человек. В случае же, если бы они оказались изменниками, это бросило бы тень на наши идеи. Большинство людей сказал бы: «Анархисты нисколько не лучше других», и лишь очень немногие сумели бы отделить идеи от личностей, понять, что нельзя ставить в упрек первым то, что зависит исключительно от слабости или испорченности последних.

И вот, потратив массу драгоценного времени и массу сил на доставление торжества нескольким личностям, мы должны были бы потерять еще столько же не менее драгоценного времени и потратить понапрасну еще столько же сил, ради доказательства того, что эти люди – изменники, но что их измена нисколько не касается проповедуемых нами идей. И неужели же после этого мы опять выставили бы новых кандидатов? Конечно, нет! Пословица «паршивая овца все стадо портит» очень стара, но вместе с тем и вполне верна; в особенности же она верна тогда, когда речь идет, наоборот, об одной здоровой овце, пущенной в стадо паршивых.

Мы видим, таким образом, что нам нет цели пользоваться избирательным правом: оно не только не может дать никаких результатов, но, что еще важнее, идет наперекор нашей цели, наперекор нашим принципам.

Другие противники – а с ними вместе и некоторые анархисты – говорят, что во время революции непременно придется признать, если и не власть какого-нибудь вожака – так далеко они не идут, – то, во всяком случае, превосходство какого-нибудь одного лица, и подчиниться тому авторитету, который мы за ним признаем. Это – удивительное противоречие, удивительное переживание крепко укоренившихся в нас вместе с воспитанием предрассудков. Мы громко требуем свободы, а между тем в страхе отступаем перед её последствиями; мы не доверяем её силе и хотим, для достижения её, прибегнуть к помощи... власти! Вот она, непоследовательность человеческого ума!

Чтобы стать свободным, самое лучшее средство это – начать пользоваться этой свободой, не подчиняясь ничьей опеке; чтобы научить ребенка ходить, во всяком случае, никогда не начинают с того, чтобы связать ему ноги!

«Однако», говорят нам, «есть вещи, которые одни люди знают лучше, чем другие; поэтому, прежде чем начать действовать, нужно посоветоваться с этими знающими людьми и последовать их совету». Мы всегда были того мнения, что инициатива отдельной личности нисколько не исключает взаимного соглашения в виду общего дела, и что из этого соглашения вытекает всегда известная организация, известное разделение труда, в силу которого каждый становится солидарным со всеми остальными и приспосабливается в своей деятельности к деятельности своих товарищей по борьбе или по работе; но от этого еще очень далеко до обязательства для каждой отдельной личности подчинять свою волю тому, кто будет признан более компетентным в той или иной определенной области.

Когда мы, например, отправляемся компанией на прогулку и поручаем тому из нас, кто лучше других знает местность, привести нас к намеченной цели, то разве это значит, что мы избрали его своим вождем и обязались слепо идти за ним, куда бы ему не вздумалось нас повести? Разве мы даем ему в руки силу, которой бы он мог принудить нас подчиниться в случае, если мы бы отказались за ним следовать? Конечно, нет. Если среди нас есть человек, который знает дорогу, мы идем за ним, потому что предполагаем, что он сможет привести нас к цели, и знаем, что он сам идет туда же, но этим мы нисколько не отрекаемся от своей собственной воли. Если во время пути кто-нибудь из нас заметит, что наш провожатый ошибается, или хочет завести нас не туда, мы постараемся где-нибудь получить верные сведения о дороге и пойти по тому пути, который покажется нам наиболее коротким или приятным.

Не иначе должно быть и в борьбе. Прежде всего, анархистам нужно отказаться от борьбы целыми армиями против армий, от правильных сражений в открытом поле, от военной стратегии и тактики, управляющей полками, как шахматный игрок управляет фигурами на доске. В борьбе нужно, главным образом, направить свои удары на учреждения – сжечь документы, устанавливающие права на собственность, податные реестры, нотариальные акты, разрушить межевые знаки, уничтожить всевозможные официальные записи и т. д. Экспроприация капиталистов, захват собственности в общую пользу, предоставление массе пользоваться предметами потребления – все это дело скорее небольших и рассеянных групп, дело мелких стычек, чем правильных сражений. Эту борьбу анархисты должны будут постараться начать в возможно большем числе пунктов, чтобы таким образом напасть на правительство со всех сторон и, принудив его разделить свои силы, разбить его по частям.

Но для этого рода борьбы не нужно никаких вождей. Если кто-нибудь задумает то или другое дело, он примется за него сам и постарается привлечь товарищей, которые, если предприятие им понравится, последуют за ним, нисколько не отказываясь этим от своей собственной инициативы; они просто пойдут за тем, кто им покажется способным руководить данным делом, но если во время борьбы явится другой и предложит иной путь, то этот другой не подумает спрашивать у первого разрешения поступить по своему, а прямо предложит свой план, на который другие согласятся, или не согласятся, смотря по тому, покажется он им целесообразным или нет.

Идея анархизма требует, чтобы тот, кто что-нибудь знает, делился своими знаниями с другими, чтобы тот, кому первому пришел в голову какой-нибудь проект, принимался за его осуществление, объяснив его тем, кого он хочет за собой увлечь; но никто не должен

отрекаться, хотя бы временно, от своей воли: власти не существует, а существуют только равные между собой личности, взаимно помогающие друг другу, сообразно своим способностям, не отказываясь ни от своих прав, ни от своей независимости. А чтобы доставить торжество анархическим идеям, самое лучшее средство, это – прилагать их на практике.

То же самое можно сказать и о всех тех средствах борьбы, на которые нам указывают. Есть, например, анархисты, которые из ненависти к собственности доходят до оправдания воровства, и даже – доводя эту теорию до абсурда – до снисходительного отношения к воровству между товарищами.

Мы не намерены, конечно, заниматься обличением воров: мы предоставляем эту задачу буржуазному обществу, которое само виновато в их существовании. Но дело в том, что когда мы стремимся к разрушению частной собственности, мы боремся главным образом против присвоения несколькими лицами, в ущерб всем остальным, нужных для жизни предметов; поэтому всякий, кто стремится создать себе какими бы то ни было средствами такое положение, где он может жить паразитом на счет общества, для нас – буржуа и эксплуататор, даже в том случае, если он не живет непосредственно чужим трудом, а вор есть ничто иное, как буржуа без капитала, который, не имея возможности заниматься эксплуатацией законным путем, старается сделать это помимо закона – что нисколько не мешает ему, в случае, если ему удастся самому сделаться собственником, быть ревностным защитником суда и полиции.

Какое для нас, революционеров, лучшее средство достигнуть революции? Развитие человеческого достоинства, подъем нравственного уровня, развитие в человеке независимости и гордости, которые заставляют его не подчиняться чужому произволу, сопротивляться всякому угнетению, восставать против всего, что ему кажется ошибочным или нелепым. Все окольные пути, все мелочные и унижительные уловки, все старания обойти тот или другой пункт закона могут с нашей точки зрения, только повредить пропаганде, только отдалить нас от цели. Они принуждают к таким низменным поступкам, которые мы, вообще, отвергаем, и вместо того, чтобы возвышать характер человека, наоборот, портят и принижают его, приучая употреблять всю свою энергию на мелочи. Мы одобряем, например, (и хотели бы, чтобы подобные факты повторялись чаще) человека, который, будучи поставлен нашей общественной организацией в невозможность жить, открыто и силой захватывает то, что ему нужно, громко провозглашая свое право на существование; но мы относимся совершенно холодно и равнодушно к поступкам, входящим в категорию обыденного воровства, потому что в них нет того характера общественного протеста, который, по нашему мнению, должен быть ясно виден во всем, что делается с целью пропаганды.

То же самое можно сказать и о «пропаганде делом». Чего только не говорилось по этому поводу, каких только нелепых взглядов не высказывалось, как со стороны защитников, так и со стороны противников этого приема борьбы?

«Пропаганда действием» есть ничто иное, как мысль, перешедшая в действие, а в предыдущей главе мы видели, что сильно чувствовать что-нибудь значит вместе с тем

стремиться применить свое чувство в практической жизни. Это – достаточный ответ противникам. Но, с другой стороны, мы встречали и таких сильно увлекающихся, но мало думающих анархистов, которые хотели свести все к одной только пропаганде действием; убивать буржуа, истреблять фабрикантов, поджигать фабрики, разрушать здания – вне этого для них не существовало ничего. Всякий, кто не говорил об убийствах или поджогах, не был, в их глазах, достоин названия анархиста.

Мы вполне сочувствуем практическому делу вообще: дело, это, как мы уже говорили – цвет мысли. Но нужно все-таки, чтобы оно имело какую-нибудь цель, чтобы человек сознавал, что он делает: иначе его действие обратится против него самого.

Представим себе, например, что сгорит какой-нибудь, находящийся в полном ходу, завод, на котором работают, скажем 50, 100, 200 или 300 – все равно, сколько – рабочих. Хозяин этого завода ничем не отличается от всех остальных: он не хорош, не дурен, ничего особенного сказать о нем нельзя. Ясно, что если кто-нибудь ни с того ни с сего подожжет этот завод, то из этого выйдет только то, что рабочие окажутся выброшенными на улицу и, раздраженные бедственным положением, в котором они временно очутятся, несомненно не станут доискиваться мотивов, которые толкали поджигателя, а обратятся против него и против вдохновляющих его идей. Вот – последствия необдуманного поступка.

Но допустим, что борьба между хозяевами и рабочими обострилась, что происходит стачка. В числе хозяев есть такие, которые выдаются среди остальных своей жестокостью – которые вызвали своей особенно сильной эксплуатацией эту стачку, или своим упорством затягивают ее, мешая другим хозяевам уступить; они, несомненно, навлекут на себя неприязнь рабочих. Представим себе теперь, что такого хозяина найдут где-нибудь убитым, причем тут же будет записка, объясняющая, что его убили именно как эксплуататора, или допустим, что по тем же причинам подожгут его завод. Тут же уже сомнения в мотивах действия быть не может, и мы уверены, что рабочий мир встретит такой акт сочувственно. Это – поступок обдуманный. В каждом данном случае, следовательно, нужно подчинять свои действия общему руководящему принципу.

«Цель оправдывает средства» – лозунг иезуитов. Правда, некоторые из наших товарищей хотят применить его к анархическому движению, но в сущности он годится только для людей, которые ищут эгоистического удовлетворения своих личных потребностей, не заботясь о тех, кого они могут оскорбить, или кому могут повредить по пути. Но когда человек ищет себе удовлетворения в проведении в жизнь принципов солидарности и справедливости, употребляемые им средства должны быть всегда подчинены цели; в противном случае они приведут к результатам, обратным тем, которых от них ожидают.

Версия #2

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 8 июля 2025 17:16:14

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 13 октября 2025 15:47:13